М.ЮДОВСКИЙ

Стихи. Часть 8

Избиение младенцев
Михаил Юдовский

Город среди пустыни,
Зноя густой миазм.
К вечеру боль остынет,
Словно угасший разум.

Небо темно и немо.
Пальмы чернеют стройно.
Жители Вифлеема!
В городе всё спокойно.

Тихо скрипят ступени
Каждой неровной гранью.
Перемешались тени
С факелами и бранью.

Медью мерцают шлемы,
Блещут мечи разбойно.
Жители Вифлеема!
В городе всё спокойно.

Вместе с календарями
Гибнут простые даты.
Начатое царями
Довоплотят солдаты.

Судеб размытых схемы
Правят резня и войны.
Жители Вифлеема!
В городе всё спокойно.

Высится государство.
Люди – его подножье.
Дети – цена за царство.
Но не за Царство Божье.

Пусто в садах Эдема.
Лезвием мир распорот.
Жители Вифлеема!
Вы потеряли город.

В безбыльи есть безболье
Михаил Юдовский

В безбыльи есть безболье.
Не чувствуя лица,
Я рад случайной ролью
Забыться до конца.

Лишенный постоянства,
Отведал я сполна,
Как призрачны пространства
И чужды времена.

На полдороги к раю
Застывший на краю,
Я чью-то роль играю,
Но только не свою.

Судьбу свою, как крошку,
С лица земли сметя,
Я гибну понарошку,
Прожив полушутя.

Итак, январь
Михаил Юдовский

Итак, январь. На сердце у меня,
По счастью, ни предчувствий ни предвестий.
Мерцающими каплями огня
Повисли очертания созвездий.
Я не спешу составить гороскоп,
Интересуясь мало этим миром,
Но, как солдат, покинувший окоп,
Шатаюсь безымянным дезертиром,
Отталкивая каждую версту,
Бегущую собачкою за мною.
И ощущаю только пустоту
С невольным удивленьем за спиною.
Себя Творцом случайно возомнив,
Я в пустоте выискиваю темы,
Поскольку миром управляет миф.

Со смертью мифа рушатся системы.
Рожденный в муках гибнет нелегко,
Естественной добычей став для грифа.
И, видит Бог, совсем недалеко
Крушение очередного мифа.
Мне чудится паденье древних стен,
Иного мироздания зачатье.
Но я не знаю, что придет взамен –
Благословение или проклятье.
Сгущается стремительная тьма,
Повиснув пустотой меж берегами.
И я иду куда-то. И зима
Бесснежием сереет под ногами.

Итак, январь
Михаил Юдовский

Итак, январь. На сердце у меня,
По счастью, ни предчувствий ни предвестий.
Мерцающими каплями огня
Повисли очертания созвездий.
Я не спешу составить гороскоп,
Интересуясь мало этим миром,
Но, как солдат, покинувший окоп,
Шатаюсь безымянным дезертиром,
Отталкивая каждую версту,
Бегущую собачкою за мною.
И ощущаю только пустоту
С невольным удивленьем за спиною.
Себя Творцом случайно возомнив,
Я в пустоте выискиваю темы,
Поскольку миром управляет миф.
Со смертью мифа рушатся системы.
Рожденный в муках гибнет нелегко,
Естественной добычей став для грифа.
И, видит Бог, совсем недалеко
Крушение очередного мифа.
Мне чудится паденье древних стен,
Иного мироздания зачатье.
Но я не знаю, что придет взамен –
Благословение или проклятье.
Сгущается стремительная тьма,
Повиснув пустотой меж берегами.

И я иду куда-то. И зима
Бесснежием сереет под ногами.

Не ты воспет, не ты отпет
Михаил Юдовский

Не ты воспет, не ты отпет.
Невидим никому,
Твой свет – всего лишь полусвет,
Упавший в полутьму.
Большое к малости свелось,
И есть ли радость в том,
Что предсказанье не сбылось,
Но сбудется потом?
Рассыпавшись на сотни вех,
Над бездной путь повис.
И ты глядишь с тоскою вверх,
Боясь сорваться вниз.
Каким созвездьям ни молись,
Ты чужд им. А пока
Не так недостижима высь,
Как близость далека.
Тускнеет купол голубой,
В дожде печаль топя.
И смерть, придя не за тобой,
Похитит часть тебя.

Не ты, не я, но те, что были рядом
Михаил Юдовский

Не ты, не я, но те, что были рядом
Тому лишь миг с тобою и со мной,
Опустятся на землю листопадом
От нас отгородившись тишиной.
Мы проводить успеем их едва ли
В дорогу, над которой времена
Поют псалмы, охрипнув от печали,
От осени, от ветра и вина.
Мы промолчим угрюмо и крамольно,
Но, может, небо, чувствуя надлом,
Оплачет тех, кто вольно и невольно

Небытие избрали ремеслом.
Дрожит простор, звеня колоколами.
Тучнея от смешения кровей,
Империи питаются телами
Для гибели рожденных сыновей.
Укрыться бы, забыться бы, уснуть бы.
Но пущены в движенье однова,
Привычно перемалывают судьбы,
Со скрежетом вращаясь, жернова.
И в нынешней и в будущей отчизне,
Где светится небес иконостас,
Едва ли мы бессмысленнее жизни.
Едва ли жизнь бессмысленнее нас.
Невидимые миру величины
Растрачены напрасною борьбой.
Но жизнь пуста, когда в ней нет причины,
Не думая, пожертвовать собой.
Обрывки листьев пролетают мимо,
Багровой рябью землю окропя.
И кажется, что ты необъяснимо
Живешь для тех, кто умер за тебя.

Петлею свился изгиб широт
Михаил Юдовский

Петлею свился изгиб широт.
Мерцает простор слюдой.
Буханка хлеба, жестянка шпрот
И спирт пополам с водой.
Сереет небо, хмельное вдрызг,
Свернув облака в кольцо,
И ветер с моря осколки брызг
Швыряет, смеясь, в лицо.
Невнятна радость. Печаль проста.
Спасибо за этот жест.
Скажи, в какие еще места
Податься из этих мест?
Здесь стало тихо и скучно. Здесь
Пространство как будто спит.
Но я останусь, покуда весь
Не выпит из кружки спирт.
Тебе иные края видны.

Ступай и меня не жди.
Ничто не бесит сильней спины
Идущего впереди.
Пусть время катится под откос,
На сотню бранясь ладов –
Залижет море, как верный пёс,
Цепочку твоих следов.
Подступит ночь, сколотив помост
Из груды небесных тел.
И бросит в кружку мне пару звёзд
На завтрашний опохмел.

Сон чудовища
Михаил Юдовский

Мы различны в схожем, несхожи в разном.
Я не знаю, какую ты явь готовишь.
Сон чудовища не рождает разум.
Он рождает только иных чудовищ

Небосвод умещается в свод законов.
Литургийная чаша на троих распита.
Сердце глухо молится тем иконам,
На которых виднеется след копыта.

Этот мир – нескончаемый бой без правил.
Победитель заранее в нем оплакан.
По всему, не так уж страшен дьявол,
Как его малюет нетрезвый дьякон.

Не соблазн порока – ступень порога
Разделяет смыслы, людей и царства.
Церковь больше отделена от Бога,
Чем от собственного государства.

Я почти никто. Я судить не вправе,
Неземной восторг чередуя с гнусью.
Мне не снятся сны. Но мне снятся яви.
Или, может, сам этим явям снюсь я.

И на том спасибо. Мне лестно сниться,
Самого себя ощущая смело.
Мир ничуть не тесен – тесны границы,

Как стесняет душу наличье тела.

Впрочем, плоть скорее не твердь, а мякоть.
Ей сродни борьба, но милей усталость.
И порою хочется просто плакать,
Осознав как милость любую малость.

Мне сообщили, что пришла зима
Михаил Юдовский

Мне сообщили, что пришла зима.
Есть повод выпить. И сойти с ума.
И в детство впасть. И спрятаться в альков
Немного удивленного сугроба.
Подкармливать снегами мотыльков
И чувствовать пространство до озноба.

Я буду ждать отсутствия вестей.
Я созову непрошеных гостей,
В камине разведу для них огонь,
И буду слушать их благоговейно,
И греть закоченевшую ладонь
Дымящеюся кружкою глинтвейна.

И разделившим сумерки со мной
Перескажу, веселый и хмельной,
Не меньше полусотни небылиц,
Которые, к естественным границам
Вернувшись, стаи перелетных птиц
Поведали неперелетным птицам.

Мелькающие тени на стене
Задумчиво наклонятся ко мне.
И то, что было тайным до поры,
Я очевидным сделаю отныне,
Придумывая судьбы и миры
И вымыслу поверив, как святыне.

Отправившись по следу за зимой,
Я стану переметною сумой,
Окрестный мир преображая в миф
И этим мифом сердце утешая,

Живых необъяснимо возлюбив
И умерших случайно воскрешая.

Вековечное не дольше однодневья
Михаил Юдовский

Вековечное не дольше однодневья.
Это делает его обетованным.
Жизнь проходит от кочевья до кочевья
Удивительно красивым караваном.
Нас тропа благословила и взрастила
Переменою движенья и покоя.
Так огромны над пустынею светила,
Что возможно прикоснуться к ним рукою.
Если начатое кончится однажды,
В ожидании известий и безвестий
Мы, наверное, избавимся от жажды,
Выжимая виноградный сок созвездий,
И ни в чем на этом свете не раскаясь,
По какому-то сердечному веленью
Проскрипим песками с ветром, опускаясь
Перед каждою песчинкой на колени.
Нам пора. Дорога делается глаже.
Впереди нас ждет кочевье. А покуда
Помоги мне снять нелепую поклажу
Со спины неприхотливого верблюда.

Прости меня за всё, что никогда не сбудется
Михаил Юдовский

* * *

Прости меня за всё, что никогда
Не сбудется с тобою и со мною.
За ставшие чужими города.
За бесприютность, ставшую родною.
За бесконечность, стертую до дыр.
За мимолетность с шутовским оскалом.
Прости за то, что я твой дивный мир

Перекроил по собственным лекалам.
Какую хочешь кару уготовь
Без тени сожаленья и печали
За то, что исповедуя любовь,
Я веру исповедовал едва ли.
За то, что спутав даты и века,
Которые судьба предвосхитила,
Я приходил к окошкам кабака,
Приняв их за небесные светила.
За то, что я однажды поутру,
Не выпросив ни муки, ни распятья,
С улыбкой от бессмертия умру,
На свет не появившись от зачатья.
Прости. Течет по капле синева,
Наполнив сердце горечью и смехом.
Не верь моим словам. Мои слова
Лишь повторяют, сказанное эхом.

Незванный гость
Михаил Юдовский

Приветствую тебя, незваный гость.
Моя душа тебе невольно рада,
Как соком переполненная гроздь
Давильщику хмельного винограда.

Войди, не торопясь, присядь за стол,
Где тусклый отпечаток от стакана
Глядится полукругло, как атолл
На скатерти неровной океана.

В преддверии темнеющей поры
Заварен чай. Огонь в камине жарок.
Но эти мимолетные дары
Едва ли перевесят твой подарок.

Я чашу пригубил свою, едва
Увлекшись этой странной круговертью.
Мне нравится играть с тобой в слова,
Заигрывая, может быть, со смертью.

Я пестрый, но оторванный лоскут,
Затерянный на тропах муравьиных.
Мечи голов повинных не секут,
Но отрубают головы невинных.

Я не прошу за них. И за себя
Не попрошу, соединившись с теми,
Кого, на мимолотности дробя,
Делением приумножает время.

За сумраком конечной полосы
Мы кажемся беспомощны и мелки.
И покачнувшись в воздухе, часы
Недоуменно опускают стрелки.

На дне стакана остывает чай.
Густеет ночь. И, может быть, мы сами
Меняемся и, словно невзначай,
Меняем жизнь, играя словесами.

Ветер и ветла
Михаил Юдовский

Осеннее солнце неспешно дробится в ручье.
Его скоротечные миги легки и светлы.
Добравшись до берега, ветер уснул на плече
Глядящейся в мутное зеркало голой ветлы.
С утра подгуляв, с беспокойною жаждой в груди
Он шлялся вдоль улиц, соря золотою листвой
И пил за стаканом стакан проливные дожди,
И, пьяный, вприсядку плясал посреди мостовой.
Затем он стучался в окно и выламывал дверь,
Горланил какую-то ересь на все голоса,
А после протяжно завыл, словно загнанный зверь
И, прокляв земное, с тоскою глядел в небеса.
И не было ближе пронзительной этой тоски,
В сравненьи с которою вечность казалась мала.
Веселому сердцу милее церквей кабаки
Усталому сердцу милей кабаков купола,
Где осень лежит позолотою, скупо блестя
Под солнцем, утратившим силу, дыханье и вес.
И, кажется, мир, превратившись на время в дитя,

Стремится прильнуть к позабытому своду небес.
Измученный ветер, спалив свое сердце дотла,
Не веря в прощенье, найти не надеясь покой,
Уснул на плече у поникшей ветлы. И ветла,
Как мать, его гладила нежною черной рукой.

Обнажилось пространство нелепо
Михаил Юдовский

Обнажилось пространство нелепо,
Облетевшей листвой шелестя,
И случайно поранилось небо
О небритые щеки дождя.
И в сереющем воздухе тая,
Позабыв ощущенье границ,
Улетают последние стаи
На свободу отпущенных птиц.

Герои падшего созвездия
Михаил Юдовский

Герои падшего созвездия,
Мы отрекаемся от вечности,
Как преступленье от возмездия,
Как человек от человечности.
Нам ощущенье одинокости
Сродни сознанию величия.
На этом свете нет жестокости,
Но есть глухое безразличие.
Я добреду до одичания,
До совершенной незаметности
И растворюсь в твоем молчании,
Как во вселенской безответности.
Я буду рад сложить оружие
И в окружающей безбрежности
Услышать нежность равнодушия.
И умереть от этой нежности.

То сократясь, то делаясь длиннее
Михаил Юдовский

То сократясь, то делаясь длиннее,
Мгновения как будто одичали.
Я от твоей печали сатанею
И хорошею от моей печали.
Я заблужусь в покачиваньи сосен,
Я прорасту в колосьях урожая.
Мне по душе делить с тобою осень,
Себя деленьем этим умножая.
Нам нужно всё и ничего не надо.
Мы соблюдаем в сердце равновесье.
Тебе к лицу дожди и листопады
И стаи птиц, летящих в поднебесье,
И холодок, прокравшийся за ворот,
И шалых ветров пьяные разгулы,
И этот тихий и невзрачный город,
Приобнаживший каменные скулы.
Перемешав наречия и даты,
Мы приобщились к здешним круговертям.
И миг безмолвья, наступив когда-то,
Нас удивит не смертью, но бессмертьем

Я жил от себя вдалеке
Михаил Юдовский

Я жил от себя вдалеке,
Я чувствовал духа броженье,
В неспешно текущей реке
Меняя свое отраженье.
Я, сердце с упорством благим
Не муча напрасной борьбою,
Легко становился другим,
Случайно оставшись собою,
И в старый покинутый дом
Входил без особой печали,
Себя узнавая с трудом
И мир узнавая едва ли

Немного осени, немного
Михаил Юдовский

Немного осени, немного
Вина и хлеба. За спиной
Лежит усталая дорога,
Дыша листвой и тишиной.
В неосязаемом пространстве
Неуловимо, словно дым,
Ты возвращаешься из странствий,
Готовясь к странствиям иным.
Ты добредешь до поворота,
И осознаешь, не скорбя,
Что нет причины ждать чего-то,
Поскольку что-то ждет тебя.
Приляг. Укройся тонким небом.
И осень, нежа полусном,
Тебя накормит теплым хлебом
И напоит тебя вином.

Бранить не стоит времена
Михаил Юдовский

Бранить не стоит времена.
Расслабься и пошли их на.
Такая, видимо, потреба –
Приходится коснуться дна,
Чтоб, оттолкнувшись, прыгнуть в небо.

От мелких луж до пышных лож
Пронзает мир живая дрожь.
Ты рано сам себя оплакал,
Прилежно впитывая ложь,
Которую несет оракул.

Творить бессмысленное зло
Не столько дар, как ремесло
И так легко, не сожалея,
Твердить, что на земле тепло,
Но под землей еще теплее.

Должно быть, выдохлось винцо.
Века сжимаются в кольцо
И до чего никчемны страсти
И безобразное лицо
Агонизируюшей власти.

В пределах наших полусфер
На сотню оскопленных вер
Найдется тысяча неверий.
Отсутствие весов и мер
Ведет к крушению империй.

Каких кумиров ни твори,
Державы гибнут изнутри
Питаясь собственною плотью,
Тощая, как календари,
Приговоренные к бесплодью.

Ей-богу, мне не до держав.
Мне хорошо, ладони сжав,
Глядеть на небо в тихих звездах,
Когда, прозрачен и шершав,
Колышется осенний воздух.

Полнее звуков тишина.
А времена и семена
На этом поле недожатом
Пошли, как говорилось, на
Веселым и беззлобным матом.

Когда над головою пропоют
Михаил Юдовский

Когда над головою пропоют
Охрипшие серебряные трубы
И небеса, спокойны и безлюбы,
Откроют дверь в сомнительный приют,
Где из граненых стопок лесорубы
Осенний спирт с архангелами пьют
И от дождей облизывают губы,
И почести погибшим отдают,

Когда на белых свитках бересты
Начертит время странные узоры,
Отыскивая поводы для ссоры
С самим собой в преддверьи пустоты,
И осень, уходя, сожжет мосты,
Давным-давно лишенные опоры,
И черных переулков коридоры
Вдали пересекутся, как кресты,

Когда пунктиры перелетных птиц
Закончат повесть в небе многоточьем,
И сроки, подмененные бессрочьем,
Раздвинут ощущение границ,
Тогда мы сердце вымыслом упрочим
И вдруг поймем, вглядевшись в сотни лиц,
Что быль – лишь совпаденье небылиц
И мы живем на свете между прочим.

Обрывающий нить со всеми
Михаил Юдовский

Обрывающий нить со всеми,
Утешайся дождем и теменью.
Переросший себя и время
Попадает в силки к безвременью.
Будет звездно. И даже млечно.
Но, предвестники поражения,
Эти игры бесчеловечны,
Как расплата без прегрешения.
Отчего же душе неймется
С тихой кручи ли, с вещей глыбы ли
Прыгнуть с бешенством иноходца
В черный омут навстречу гибели?
И оттуда греметь набатом,
И оплакивать победителя,
И послать на прощанье матом
Опечаленного Хранителя.

Тигр
Михаил Юдовский

На душе холодает. Разлей медицинский спирт
Как лекарство по невысоким граненым стопкам.
Незаметно подкралась осень. И небо спит,
Повернувшись боком к укрытым тайгою сопкам.

В этой маленькой хижине, кажется, мы одни.
Наши души устали карабкаться вверх по склонам,
На которых листва пронзительно жжет огни,
Разбросав багрово и желто на темно-зеленом.

Очевидно, приятно сгорать на таких кострах
Под тоскливые причитанья болотной выпи.
Ты чего-то боишься? Я буду лечить твой страх.
Да и собственный тоже. Самое время выпить.

Посмотри, как сумерки быстро подъели день,
Как в небесную мякоть звезды впились телами.
За деревьями лес не виден. Лишь чья-то тень
Незаметно и тихо движется меж стволами.

От такой тишины повредиться легко в уме.
Как невнятица полусна, как тоска немая,
Два янтарных глаза, хищно сверкнув во тьме,
Проникают в сердце, в песчинку его сжимая.

Это тигр, это тигр. Он явился на зов тоски,
Он почуял нашего страха предательский запах,
Заключив эту робкую полночь в стальные тиски,
И неслышно подкравшись на мягких бесшумных лапах.

Это тигр, это тигр. Он предчувствием жертвы ведом.
Он рожден, он взращен, он расчерчен огнем и землею.
Он сужает круги, словно хочет наш хрупкий дом
Захлестнуть, затянуть, задушить незримой петлею.

Наливай-ка еще. Мы с тобой очарованы злом.
На смертельном помосте, на собственном тихом погосте
Остается лишь пить. И беззвучно сидеть за столом,
Ожидая, словно возмездья, ночного гостя.

Это тигр. Это рок. Это смерть. Это мир. Это век,
Превратившийся в миг и растаявший, словно капля.
И виднеется где-то в небе иной ночлег.
И печально кричит, над землей пролетая, цапля.

Существо растворяется, пригоршней став вещества.
Вниз глядится луна бесноватым янтарным оком.
И, дрожа на ветру, облетает с деревьев листва
И ложится на землю ржавым кровоподтеком.

Вечерняя терраса. Чашка чая
Михаил Юдовский

Вечерняя терраса. Чашка чая.
В открытых окнах плавится янтарь.
В проеме листьев, головой качая,
Скучает электрический фонарь.

Томится остывающий напиток.
Небесный свод, поднявшись в полный рост,
Неспешно разворачивает свиток
С мерцающею рукописью звезд.

Из черной бездны скалится невинно
Улыбкой белозубою луна.
Холодный чай допит наполовину
И воздух разрывает тишина.

Не склеить воедино половинки,
Сосватав высоту и глубину.
Осколками виднеются чаинки,
Приставшие к открывшемуся дну.

Остановились звездные упряжки,
Фонарная поникла голова.
И жизнь ползет, как трещина, по чашке,
В потемках различимая едва.

С тобой не говорю я, но пою
Михаил Юдовский

С тобой не говорю я, но пою
Беззвучно, словно раненный в бою,
Губами, пересохшими от жажды,
Ищу ладонь открытую твою
С предчувствием, что в ней умру однажды.
С тобой не говорю я, но пою.

В твоей ладони плещется вода
Небесная, попавшая сюда,
Чтоб отразить короткое мгновенье
И далее исчезнуть без следа,
Угадывая ветра дуновенье.
В твоей ладони плещется вода.

С тобой не говорю я, но пою.
Я ножницами острыми крою
На сотни лоскутов мое пространство,
С улыбкою вплетая в колею
Отпущенного нам непостоянства.
С тобой не говорю я, но пою.

Наивны и обманчиво легки,
Мы разлетимся, словно мотыльки,
Не обменявшись на прощанье взглядом.
Так звезды, друг от друга далеки,
Глядятся в небесах почти что рядом,
Наивны и обманчиво легки.

С тобой не говорю я, но пою.
Я не умею долго жить в раю.
Я бездну ощущаю за плечами,
Застыв у этой бездны на краю.
И долгими бессонными ночами
С тобой не говорю я, но пою.

Я рад идти по лезвию ножа,
Когда моя рука, в твоей дрожа,
Немеет сладко, словно через пальцы
Из тела в тело движется душа.
И если в этом мире мы скитальцы,

Я рад идти по лезвию ножа.

С тобой не говорю я, но пою.
Я ничего на сердце не таю.
Умри со мною и со мной воскресни.
Я сам себя, поверь, не узнаю
И превратившись в собственную песню,
С тобой не говорю я, но пою

Дни куда-то волочились
Михаил Юдовский

Дни куда-то волочились,
Сволочились и волчились
И серели, словно стая,
Вырастая и врастая
В наше сердце, в наше тело,
Незаметно, незабвенно.
И кому какое дело,
Что у века вскрыты вены?
От безумий до безумий,
От наитий до наитий
Обнажается Везувий
Очагом кровопролитий
И в страданьи неокреплом,
Озверевший от безбожья,
Посыпает серым пеплом
Обгоревшее подножье.

Прикрываясь небесами,
Мы развенчивали сами
Нами созданные мифы,
На невидимые рифы
Направляя наше судно,
Наши судьбы, наши сути.
Отчего же так паскудно
В этой серой сирой мути?
Для каких таких сокровищ
Разбудили мы с тобою
Огнедышащих чудовищ,
Называемых толпою?

Нерешимость, нерушимость –
По тропе кровавой века
Толпы движет одержимость
Без лица и человека.

По земле скользя покато,
Мы добрались до заката,
С удивлением внимая
Календарным сводкам майя.
Что нам убыль, что нам прибыль
Облаченных, обличенных?
Мы готовы верить в гибель
С наслажденьем обреченных.
Ярость пиршества на тризне,
Ясность родственности с твердью.
Мимолетность этой жизни
Есть свидетельство бессмертья.
Неразгаданы и зыбки,
Уходя во тьму пустую,
Мы оставим по ошибке
Вместо точки запятую.

Когда с тобой простясь в бреду
Михаил Юдовский

Когда с тобой простясь в бреду,
Один я в тишину уйду,
Пусть что-то в этой тишине
Тебе напомнит обо мне.

Пускай земля и небеса,
Озера, горы и леса
И городской пейзаж в окне
Тебе напомнят обо мне.

Пускай свеченье фонарей
Пускай случайный скрип дверей
И отблеск лампы на стене
Тебе напомнят обо мне.

Пускай пустой камин в золе
И след стакана на столе
И волосок на простыне
Тебе напомнят обо мне.

Пусть обо мне издалека
Напомнит каждая строка.
И мне поверится тогда,
Что я ушел не без следа.

Этот горький, как яд, огонь
Михаил Юдовский

Этот горький, как яд, огонь,
Этот крик поднебесно-синий.
Посмотри, как твою ладонь
Разрывает безумство линий.
Эти рвы в никуда ведут,
Эти тропы проходят мимо.
Я не знаю, что там, и тут
Мне не многое объяснимо.
Я отведал запрет плодов,
Я давно разбросал каменья
И махнуться с тобой готов
Неименьем на неименье.
Я не то что до донца пуст –
Я скорее изнежен болью.
Раздели со мной, златоуст,
Немоту моего застолья.
Мне не надо иных наград,
Я не жажду иного рая,
Жизнедействуя невпопад
И бессмысленно умирая.
Я хочу, догорев вотще,
Распростившись с земной короной,
Отдохнуть на твоем плече,
Как на плахе приговоренный.
И прижав мою тень к груди,
Под сияньем звезды вечерней
Награди меня, награди
Оголенным венцом без терний.
Очерствев от людей и стран,
Сын безбожий, нечеловечий,

Ты не чувствуешь новых ран,
Состоя из одних увечий.

Не грусти. Бесконечно усталы
Михаил Юдовский

Не грусти. Бесконечно усталы,
Опустив потускневшие лики,
Мы на свете настолько же малы,
Как – не ведая сами – велики.
Мирозданье всего лишь предместье,
Безымянная тень у порога,
Где песчинка не меньше созвездья
Заключает дыхание Бога.
Уподобившись крохотной капле,
Ты летишь в поднебесье куда-то
На крыле удивительной цапли,
Розовеющей в волнах заката.
И своею частицей нетленной
Ты роднишься со всеми мирами –
От светил на просторах вселенной
До свеченья в окошечной раме.

Зимние, осенние и вешние
Михаил Юдовский

Зимние, осенние и вешние,
Мы с тобой какие-то нездешние,
Словно с первобытной человечностью
Небеса на нас пролились млечностью.
Мы, шутя, обменивались звездами,
Птицами жонглируя и гнездами.
И почти не ведая усталости,
Радовались милости и малости.

Хрупкие, нагие и прозрачные,
Мы с тобою числа многозначные.
Становясь немножечко похожими,
Мы делились цифрами с прохожими.
Было нам отчаянно и весело,
Этой жизни поедая месиво,

То, забывшись, тешиться альковами,
То звенеть железными оковами.

Нежные, веселые, бесплотные,
Мы с тобою птицы перелетные.
Мы летим, подхваченные ветрами,
Измеряя время километрами.
В одиночку, парами и стаями
В небесах когда-нибудь растаем мы.
И тогда прольется наше пение
На земное наше повторение.

Облетели священные рощи
Михаил Юдовский

Облетели священные рощи.
Окосели столетья от пьянства.
Заблудиться во времени проще,
Чем в размытых пределах пространства.
Ты дитя посреди океана,
И безвестная черная бездна
Под тобою молчит окаянно,
Над тобой отражаясь небесно.
Обрывается грань пониманий,
Вырастают и рушатся глыбы.
Остается лишь стать безымянней,
Чем чешуйка на теле у рыбы.
И с каким-то вселенским размахом,
Приоткрыв заповедную створку,
Твое сердце наполнится страхом,
Удивительно близким к восторгу.

Как просто, отвергнув сущее
Михаил Юдовский

Как просто, отвергнув сущее,
С вершка своего насеста
Заглядываться в грядущее,
В котором тебе не место.

Крадя за нехваткой оного
У времени пядь за пядью,
С упорством умалишенного
Ты, верно, спешишь к распятью,
К бессмертью припав, как к вымени,
Творишь из себя кумира.
Но только лишившись имени,
Становишься частью мира.
Мишени оставив целыми,
Почувствовав радость в теле,
Родниться мудрей со стрелами,
Летящими мимо цели.
В отпущенной скоротечности,
В ее обаяньи строгом
Ты смотришь на мир из вечности,
Себя перепутав с Богом.

Время закусило удила
Михаил Юдовский

Время закусило удила.
Август задыхается от зноя.
И звонарь, пропив колокола,
Бредит, наслаждаясь тишиною.
Сладок яд и горек этот мед.
На изломе взлетов и падений
Полночь полоумную качнет
Пьяная жестокость сновидений.
Кто мне растолкует эти сны,
Эту цепь известий и безвестий?
Отчего так тихи и грустны
Небеса, рябые от созвездий?
Мир пронзен навылет изнутри.
В самолюбовании нелепом
Примеряют нимбы фонари,
Нежно богохульничая с небом.
И в хмельном брожении ночей
Ересь, сочиненную богами,
Прошипит разбуженный ручей,
Чешуей скользнув меж берегами.
Яростным смешеньем вер и вех
Горний мир преобразится в дольний.

И звонарь, проснувшись, прыгнет вверх
С рухнувшей на землю колокольни.

Полусредние века
Михаил Юдовский

Отзывается в темени
И стремится к нулю
Это время без времени,
Затянувшись в петлю.

Прорастает в тепличности
Заржавелых оков
Полукульт полуличности
Полусредних веков.

Речи слиплись от патоки
И глядит из зеркал
Инквизиции в галстуке
Полукрысий оскал.

Силуэты бесплотные,
Словно тень на стене.
И горят неугодные
В бутафорском огне.

И будь что будет
Михаил Юдовский

И будь что будет – с нами, и со мною,
С тобой одной, с тобою не одною
И без тебя. Со всеми и без всех.
Мы эту жизнь обходим стороною,
Впадая в святость, как в смертельный грех.

Мне хорошо на грани и за гранью
Закона, равносильного желанью
Узнать, что мы на свете не одни.
Непониманье близко к пониманью,
Как близость одиночеству сродни.

Господь с тобой. Мне ничего не надо.
Темнеет сад, темна его ограда.
И темен мир, укрывшийся за ней
Под невеселый шорох листопада.
Темно с тобой. Но без тебя темней.

Бессмысленно, но твердо и упруго
Мы движемся по замкнутому кругу,
Не веря и, наверно, не любя,
Уже не столько следуя друг другу,
Как просто убегая от себя.

Но, знаешь, от всего осатанев, я
Благославляю наше однодневье,
Не зная кто мы и куда идем.
И нежно дышит ветер. И деревья
Неторопливо мокнут под дождем.

Прости меня, являя милость
Михаил Юдовский

Прости меня, являя милость,
Сластолюбивая волчица,
За всё, что с нами не случилось,
И всё, что с нами не случится.
От черных дыр до белых пятен
Скользя над пропастью по краю,
Не так тебе я непонятен,
Как сам себя не понимаю.
Мы потеряли равновесье.
Как безобразная заплата,
На тучном склоне поднебесья
Пасется алый бык заката.
В нем ощущается безвестье.
Неотвратимо и нелепо
Тускнеют тихие созвездья,
Копытом втоптанные в небо.
Теперь, ей-богу, не до шуток.
Чадит разбитое кадило
На мимолетный промежуток,
Который вечность нам ссудила.

И, знаешь, видимо из мести,
Не сотворив себе кумира,
Мы несомненно будем вместе –
Утратив ощущенье мира.

Скажи мне, если б я был собакой
Михаил Юдовский

Скажи мне, если б я был собакой,
Небольшой, кареглазой, рыжей окраски,
Забавлялся любовью, погоней, дракой,
Мечтал о мясе и о хозяйской ласке,
Облаивал встречных, а всего охотней
Твоих поклонников с их похотью жалкой,
Весело шастал меж подворотней
И вожделенной мусорной свалкой,
Держал твои плечи в упругих лапах,
Лизал тебя в щеку, презирал ошейник
Чувствовал радостно каждый запах,
Не зная только запаха денег,
Потакал твоим слабостям, не любил величья,
Был со многими мил, нетерпим к немногим –
Скажи мне, ты бы нашла различье
Между мною двуногим и четвероногим?
Погляди, я стою, окружен захолустьем,
На своих двоих. Мне ни шатко, ни валко.
И скулю на луну – не затем, что грустен,
А затем, что ее почему-то жалко.

Как смутны эти времена
Михаил Юдовский

Как смутны эти времена,
Как скучны эти имена.
Сегодняшних событий лист
Назавтра снова будет чист.
Пускай в огне сгорит тетрадь –
К чему бессмыслице служить?
Не так уж страшно умирать
Тому, кто не боялся жить.

Судьба нас весело несла,
Подобно лодке без весла.
И вновь смыкалась гладь воды,
Смывая грубые следы.
И поднимался мутный ил.
Но, сердце нежностью крепя,
Велик не тот, кто победил,
А тот, кто сохранил себя.

Какая радость эта боль!
Охота пуще всех неволь,
И так становится близка
Небес прозрачная тоска.
Исчезнет всё, что было до,
Без объясненья, без следа.
И будет странно верить в то,
Во что не верил никогда.

Склоняясь к мыслям грешным
Михаил Юдовский

Склоняясь к мыслям грешным,
Почувствовав свободу,
Меня запомни нежным,
Каким я не был сроду.

Возвышенным настроем
Игру с собой затея,
Сочти меня героем,
Узнав во мне злодея.

И милости приливам
Доверившись, как чуду,
Увидь меня счастливым,
Каким я вряд ли буду.

Дудочник
Михаил Юдовский

Сумерки. Солнца тускнеет медь.
Дымом сочатся трубы.
Дудочник, что ты хотел пропеть,
Флейту целуя в губы?
В мыслях и чувствах царит разброд.
Обруч пространства тесен.
Дудочник, твой онемевший рот
Слишком устал от песен.
Мир перевернут. Святых святей,
Бесы одеты в ризы.
Дудочник, в городе нет детей –
В городе только крысы.
Всё омертвело. Сердца пусты.
Сжаты в тисках и гулки,
Вьются изгибами, как хвосты,
Голые переулки.
Скука и смута, распад и тлен.
Скалясь с холма свирепо,
Бурые десны кирпичных стен
Зубы вонзают в небо.
Сдохнуть ли, спиться ли от тоски?
Тщетно мечтать о чуде?
Странно, но стали тебе близки
Эти места и люди.
Ты угодил на свою беду
В темное закулисье.
Лучше молчать, чем учить дуду
Преданно петь по-крысьи.

Сумерки. Солнца тускнеет медь.
Дымом сочатся трубы.
Дудочник, что ты хотел пропеть,
Флейту целуя в губы?
Дай ненадолго покой дуде,
Мирно сомкнув ресницы.
Перевернувшись в речной воде,
Город ко дну стремится.

Холмов неровные ступени
Михаил Юдовский

Холмов неровные ступени,
Небес развернутая карта.
Земля, пятнистая от тени,
Глядится шкурой леопарда.
Простимся с выученной ролью,
Пока не сыщется иная,
Неприхотливое застолье
Неторопливо начиная.
Бутыль вина, буханка хлеба.
С немного вычурною страстью
Зевает утреннее небо
Огромной розовою пастью.
Приятно жизни чуть касаться,
Где всё измучено борьбою –
От неумения казаться
До нежеланья быть собою.
Во что нам нынче превратиться?
Не соблазнившись чем-то новым,
Ты станешь яростною птицей,
Я стану нежным птицеловом.
Благословить мгновенья эти
Велят природа и обычай –
Нет большей близости на свете,
Чем между ловчим и добычей.
И тем, должно быть, мы похожи,
Что сущность выявив нагую,
Мы оба сбрасываем кожу,
Не нарастив себе другую.

Если гаснут миры
Михаил Юдовский

Если гаснут миры – нет, не в небе, а где-нибудь ближе,
За рекой, где горели костры, или в чьем-то окне,
Пусть последняя искра, мелькнув ослепительно рыже,
Беспечально и тихо напомнит тебе обо мне.

Я, конечно, никто, я не более, чем чужестранец
В самом лучшем краю, в самом нежном и светлом раю.
Я отбился от солнца, как гаснущий протуберанец,
Разбросав по реке золотую свою чешую.

Я нашел здесь себя. И, наверно, нашел здесь свободу.
Мне легко ощущать под собой бесконечную хлябь.
Но взлетевшие весла уже опускаются в воду
И на сотни осколков дробят золотистую рябь.

Мартовский ангел
Михаил Юдовский

Всё полустерто. Всё непривычно голо.
Всё уместилось в тесный охват границ
В доме, где только тени скользят по полу,
Тихо играя музыку половиц.
Вслушайся в эти отзвуки, от которых
Хочется, позабывшись и налегке,
Ветром запутаться в светло-зеленых шторах
Или плясать, как зайчик, на потолке.
Дом этот бросив, мы заблудились между
Небом и подворотней, забившись в щель.
Знаешь, не так уж страшно терять надежду,
Если перед собою не видеть цель.
Я не пойму, какого мы беса тешим,
Души спалив дотла и развеяв дым.
Можно, простившись с большим, смириться с меньшим.
Легче проститься с меньшим и стать пустым.
Черные кости веток размяв до хруста,
Мартовский ангел нас совратил с пути.
Не огорчайся – если на сердце пусто,
Может, сумеет кто-то в него войти.
Наш приговор до худших времен отсрочен.
Горсть мимолетностей перехватив на чай,
Мы умираем разве что между прочим.
Да и живем, пожалуй что, невзначай.
Скучно, устав от зрелищ, мечтать о хлебе,
Грустно быть всеми, так и не став собой.
Мартовский ангел спит в предзакатном небе,
Видно, до дна упившись своей трубой.
Так ли, скажи, просторна небес обитель?
Не обо мне печалясь или скорбя,

Спи беспробудно, пьяненький мой хранитель,
Если, конечно, кто-то хранит тебя.
Всё это так прекрасно и так нелепо –
Чувствовать вечность, напрочь забыв о том,
Что на бездомье кажется домом небо,
Как на безнебье кажется небом дом.

Отбросив страх и мягкотелость
Михаил Юдовский

Отбросив страх и мягкотелость,
Не многим в мире дорожа,
Тебе отчаянно хотелось
Идти по лезвию ножа,
И огнедышащую бездну
Под сердцем чувствуя на треть,
Прожить на свете бесполезно,
И беспполезно умереть.
Ты у последнего порога
Украсил жертвами алтарь.
Но если в сердце нету Бога,
То в голове опасен царь.
Земли притихшая утроба
Таит худые времена.
Как гвоздь, забитый в крышку гроба,
Желтеет шляпкою луна.
Небесный свод гудит чугунно,
И ты в преддверии конца
С остервененьем режешь струны
На арфе нежного певца.

Небесный удильщик
Михаил Юдовский

Не трать понапрасну дары, златоуст.
Темно твое сердце и разум твой пуст.
Не верится в радость, не хочется слов.
И удочку стиснув в руках, рыболов
Сидит на покатом небесном краю,
Мурлыча негромкую песню свою.

До счастья нелепы, до боли просты,

Сжигают века за собою мосты.
Небесный удильщик, куда ты меня
Ведешь на крючке, за собою маня?
Земная утроба темна и тесна,
И, взгляд ослепляя, сверкает блесна.

Под небом, где людно, и в небе, где Бог,
Каждый на собственный лад одинок.
Из спящих долин и рычащих лавин
Не склеить в единое двух половин.
И стелится путь, призывая идти,
Но вряд ли кому-то с собой по пути.

Как дудочник пестрый коварной дудой,
Небесный удильщик играет удой.
И я, растранжирив беспечно года,
Иду за удою, не зная куда,
Непрошенный здесь и немыслимый там,
И пропасть шагает за мной по пятам.

Но я по дороге учу наизусть
Случайную радость и светлую грусть.
И в этом пока недоснившемся сне
Я что-то ищу, непонятное мне,
Как солнце, ломая о воду лучи,
К закрытым мирам подбирает ключи.

Должно быть, мы сами, живя до поры,
Невольно рождаем иные миры
И слышим творений своих голоса.
А где-то над нами плывут небеса,
В которых с тоскою в бездонном зрачке
Небесный удильщик висит на крючке.

Нарушив собственный обет
Михаил Юдовский

Нарушив собственный обет,
Ты взгляд бросаешь светло-карий
На этот бесприютный свет
С разломом вечным полушарий.
Всё разгорожено межой,

Вражда таится в темных недрах.
Ты здесь чужой и там чужой,
И сам себе заклятый недруг.
Пространство корчится в петле.
И зуб неймет, и слепнет око.
Мы одиноки на земле,
Как Богу в небе одиноко.
Должно быть грустно свысока,
Опившись собственной отравой,
Смотреть, как левая рука
Неистово воюет с правой,
И в этой яростной борьбе
В своем твореньи разуверясь,
На ухо самому себе
Шептать отчаянную ересь.

Как балаганный шут одет
Михаил Юдовский

* * *

Как балаганный шут одет
В глухое время и пространство,
Ты будешь осенью отпет
Под горьким небом чужестранства.
Глотай обманчивую смесь
Из черых дыр и белых пятен,
Бездомен там, безроден здесь
И самому себе невнятен.
Ты сбросишь кожу, износив,
И в плоть твою вонзит, как бивень,
Свой обжигающий курсив
С похмелья окосевший ливень.
Но от тоски смертельно пьян,
Ты сердцем весел почему-то.
В тебе, как будто инь и ян,
Сплелись бесстрашие и смута.
Попав в коварные силки,
Ты, от усердия сутулясь,
На память вяжешь узелки,
Не до конца забытых улиц.
Ты слышишь в сердце голоса

И, рассчитавшийся с долгами,
Глядишь с улыбкой в небеса,
Земли не чуя под ногами.

И стало тихо и светло
Михаил Юдовский

И стало тихо и светло.
И сквозь оконное стекло
Казался мир потусторонним.
Он плыл в иные времена,
На небесах крылом вороньим
Чертя скупые письмена.

И я пытался их прочесть
Как зашифрованную весть,
Не уловив заветной сути,
Не отличив добро от зла,
Но разглядев в тревожной мути
Судьбы кривые зеркала.

И стало грустно и легко.
Зимы густое молоко
Глотал февраль, впадая в детство,
Земли покусывая грудь
И перепутав цель и средства,
Пытался мир перечеркнуть

Ветвями голых тополей,
Прямыми стрелами аллей,
Творя раздор, ломая копья.
Кончался день. Кончался век.
И на лету слипаясь в хлопья,
На землю опускался снег.

И стало нежно и бело.
И за окном моим мело
С тоскою раненного зверя.
И я глядел в окна проем,
В чужое будущее веря
И не заботясь о своем.

И я был рад, до боли рад,
Полушутя и невпопад
Пройдясь невнятицею зыбкой
По этой жизни налегке,
Расстаять молча и с улыбкой,
Как снег на чьей-нибудь руке.

На том лугу, где лошади пасутся
Михаил Юдовский

На том лугу, где лошади пасутся,
Худые морды окунув в траву,
Мне хочется уснуть и не проснуться,
Прижав к груди густую синеву.
Укрывшись небом, словно одеялом,
Хмельного ветра ласковый мотив
Я подхвачу, не думая о малом
И чем-то большим сердце не смутив.
Мне станет хорошо и безмятежно,
Я обрету обещанный приют.
И лошади задумчиво и нежно
Меня негромким ржаньем отпоют.
И смолкнет всё. И будет песнь допета.
И ночь укроет землю целиком.
И месяц, набухающий от света,
Прольется с неба теплым молоком.